

Необоснованность негативного отношения Свидетелей Иеговы к праздникам

Новый год, Рождество, Пасха, 8 марта, дни рождения – все это праздники, как полагают Свидетели Иеговы, неугодные Богу. Все знают, что отличительной чертой Свидетелей Иеговы является излишне принципиальное отношение к праздникам и их корням. По сути, можно сказать, что Свидетели Иеговы отвергают все ныне существующие праздники. Единственным исключением является «вечеря Господня», которую Свидетели Иеговы отмечают раз в год (сюда также можно причислить, как допущение, празднование годовщины свадьбы). В чем же причина столь негативного отношения к праздникам?

В приложении книги «Чему на самом деле учит Библия» Свидетелями Иеговы утверждается, что «именно происхождение религиозных праздников помогает определить, угодны ли они [праздники] Богу» (Чему на самом деле учит Библия, 2005, стр. 223). Это утверждение содержится в контексте обсуждения языческих корней современных праздников, что, как видно, дает повод Свидетелям Иеговы отвергать их. Например, в публикациях Свидетелей Иеговы говорится, что празднование Нового года было введено Юлием Цезарем в честь римского бога Януса. В отношении же корней Рождества, (ссылаясь на *The World Book Encyclopedia*) отмечается, что «этот праздник [рождество], вероятно, оказали влияние *языческие* (нехристианские) праздники, отмечавшиеся в то время. Древние римляне праздновали праздники в конце года в честь Сатурна, их бога урожая, и Митры [бога Солнца]» (Пробудитесь! 8 декабря 1990, стр. 16). Далее при этом заявляется: «Следовательно, кто празднует рождество, тот чтит не Бога и Христа, а празднует языческий праздник и чтит языческих богов» (Там же, стр. 17). Также считается, что обычаи, связанные с празднованием Пасхи и дня рождения, подобным же образом корнями уходят в язычество.

Поэтому уверенность Свидетелей Иеговы в неприемлемости участия в тех или иных праздниках, зиждется на как бы языческом происхождении современных праздников. Причем порой отвержение этих праздников является одним из критериев истинности религии; а поскольку только Свидетели Иеговы отвергают все религиозные и светские праздники, то естественно этим показывается, что только они – истинная религия. При этом Свидетели Иеговы понимают, что сегодня этим праздникам не придается, то языческое значение, какое оно имело в далеком прошлом. На это следует ответ: «Стоит ли обращать внимание на происхождение праздников? Стоит! Подумай, например, что бы ты сделал, заметив в сточной канаве конфету? Поднял бы ее и стал есть? Конечно, нет! Она же грязная. Подобно вкусной конфете, праздники могут казаться привлекательными, однако они пришли из нечистого источника. Чтобы встать на путь истинной религии, нам нужно иметь такой же настрой, какой был у пророка Исаии, который призывал служителей истинного Бога: «Не касайтесь нечистого» (Исаия 52:11)» (Чему на самом деле учит Библия, 2005, стр. 158-159). Насколько обоснована позиция Свидетелей Иеговы в отношении этих праздников? Действительно ли, если есть определенная внешняя связь прошлых языческих праздников с современными праздниками, то это обязательно не угодно Богу? Давайте рассмотрим!

Для этого стоит немного окунуться в некоторые события древности. Вспомним про истоки празднования Нового года. Новый год праздновали еще в

древнем Шумере. В одной книге о Шумере говоря, о шумерском календаре Ниппура, отмечается: «Он [календарь] включает в себя все наиболее актуальные для шумерского города ритуалы и праздники. Весной во время разлива рек и накануне первого равноденствия, шумеры встречали Новый год. В первые дни года разыгрывалась ритуальная битва между молодым богом Нинуртой и силами зла, которыми руководил демон Асаг» (Емельянов В. В. Древний Шумер: Очерки культуры. Спб., 2001, стр. 134). Активно праздновали Новый год в Вавилоне и Персии. В древнем Египте также праздновали Новый год (долго и с размахом) в сопровождении языческих культов. Об этом пишет в своей книге египтолог Пьер Монте: «В календаре, который по повелению Рамсеса III высечен на стене его храма в Мединет-Абу, указано, что празднество в честь богини Сопдет, отмечаемое по случаю появления ее звезды на небосклоне, совпадает с наступлением Нового года [...] Первый день Нового года был не только праздником богини Сопдет – его отмечали по всей стране. В храме Упуата слуги дома подносили в этот день подарки своему хозяину. Под этим следует понимать, что жрецы совершали жертвоприношения своему богу из принесенных в храм даров. Царевич Кенамон оставил в своей гробнице копии роскошных даров, доставленных его заботами фараону по случаю Нового года. Пожалуй, из этого можно заключить, что все египтяне обменивались на Новый год пожеланиями счастья и подарками» (Монте П. Египет Рамсесов повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. М., 2000, стр. 70, 71-72).

Что в этом примечательного? Евреи, которые вышли из Египта, безусловно, знали о праздновании Нового года и его языческой подоплеки. Но через непродолжительный промежуток времени после выхода евреев из Египта, Иегова дает им свод законов с указаниями, в частности относительно того, что приносить в качестве жертвы во время священных дней. И одно из этих указаний звучит так: «И в седьмой месяц, в первый [день] месяца, да будет у вас священное собрание; никакой работы не работайте; пусть будет [это] у вас день трубного звука; и приносите всесожжение в приятное благоухание Господу: одного тельца, одного овна, семь однолетних агнцев, без порока, и при них в приношение хлебное пшеничной муки, смешанной с елеем, три десятых части [ефы] на тельца, две десятых части [ефы] на овна» (Чис 29:1-3). Этот отрывок содержит повеление соблюдать праздник, который назван здесь днем «трубного звука» (Лев 23:2, 24, 25). Первый день седьмого месяца, если считать от начала священнического года (начинавшийся месяцем авив), выпадал на первый месяц гражданского года (тишри), Поэтому об этом празднике в одной книге говорится: «Этот двухдневный праздник *отмечался звуками труб, возвещавшими наступление гражданского Нового года* и самого торжественного месяца в году» (Тим Даули «Библия в цифрах и фактах» 2003, стр. 10). А значит, в первый день месяца тишри евреи праздновали Новый год. Впоследствии этот праздник у евреев помимо названия «праздник трубного звука» также стал называться Рош Хашанна, что значит «голова года». Конечно, можно говорить о том, что в самой Библии не говорится, что этот праздник был празднованием Нового года, но в Библии ничего и не говорится о смысле и значении этого праздника. В таком случае нужно исходить из самой даты праздника, как праздник Опресноков вместе с Пасхой праздновался с 14 – 21 нисана (авив), поскольку именно в эти дни евреи вышли из Египта, так и этот праздник праздновался в связи с началом еврейского гражданского нового года.

Что интересно, этот праздник был для евреев временем веселья, как об этом можно прочесть в книге Неемии, где говорится, что в 1-й день седьмого месяца

Неемия призывал собравшихся израильтян: «день сей свят Господу Богу вашему; не печальтесь и не плачьте, потому что весь народ плакал, слушая слова закона. И сказал им: пойдите, ешьте тучное и пейте сладкое, и посылайте части тем, у кого ничего не приготовлено, потому что день сей свят Господу нашему» (Неем 8:9, 10). Можно отметить, что Неемия призывал в этот день, по сути, делать подарки – «посылать части» (делится, ПНМ) неимущим.

Таким образом, что получается? Евреи праздновали Новый год, в то время когда его параллельно праздновали египтяне, которые не просто праздновали, но присовокупляли к этому языческие обряды. Станным выглядит при этом то, что если Иегова не хотел чтобы евреи праздновали Новый год, почему он выбрал день для праздника, совпадающий с днем который у евреев знаменовал начало нового года? При этом Он не объяснил евреям, что подобно египтянам им не нужно праздновать Новый год в этот день. Все это показывает, что для Иеговы языческое значение празднования Нового года, имевшее место в то время у других народов, не имело никакого значения – главное чтобы евреи не предавали этому дню языческое значение. Сегодня же – как Свидетели Иеговы и признают – Новый год не имеет того языческого смысла, которое оно имело в далеком прошлом.

Интересным можно найти также то, что у евреев были праздники, которые самым непосредственным образом были связаны со сбором урожая, а именно: праздник первых плодов ячменя, который приходился на конец семидневных Пасхальных празднеств (Лев 23:9-14; Чис 28:26-31), Пятидесятница – праздник жатвы пшеницы (Лев 23:9-22), праздник Кущей – праздник сбора урожая, винограда и оливок (Лев 23:39-44; Втор 16:13-14). И это притом, что *в Ханаане еще до того как там поселились евреи, имели место праздники сбора урожая самым тесным образом связанные с поклонением богам*. Историк-библеист XIX в. Юлис Велльгаузен в своем знаменитом труде развивает тему заимствования евреями праздников у хананеев, в частности о празднике Кущей он пишет: «Глубже всего восходят в старину свидетельства об осеннем празднике сбора винограда; именно, прежде всего этот праздник оказывается обычаем ханаанского населения Сихема. Древняя и содержательная история Авимелеха, сына Иероваала, рассказывает о сихемских горожанах (Суд., IX, 27): они вышли в поле, собирали виноград, давили его, праздновали hillulim (благодарственный праздник жатвы), пошли в дом своего бога, пили, ели и проклинали Авимелеха. Этот праздник довольно рано должен был получить право гражданства также среди израильтян» (Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. Спб. 1909, стр. 80). Скорее всего, мы не можем согласиться с Велльгаузенем, что евреи заимствовали эти праздники сбора урожая у хананеев (мы не можем согласиться с ним по многим пунктам: например с впервые сформулированной им теории четырех источников Пятикнижия). Но факт остается фактом, евреи отмечали праздники сбора урожая наряду с живущими с ними хананеями, у которых праздники сбора урожая вошли в обычай еще раньше, чем у них. Исходя из ложной логики Свидетелей Иеговы следует, что если бы у евреев были эти праздники, Бог должен был запретить им, праздновать их; но наоборот Бог сам учреждает среди евреев эти праздники (сбора урожая). В таком случае, парадоксальным выглядит ситуация в которой, как полагают Свидетели Иеговы, сегодня неуместным является празднование праздников сбора урожая, основанием чего служит их языческое происхождение (см. Сторожевая Башня 15 сентября 1997, стр. 8-9).

Еще более интересным выглядит для нас случай произошедший с евреями в синайской пустыне. Когда евреи стали роптать на Бога, Господь в наказание послал «на народ ядовитых змеев, которые жалили народ» (Чис 21:6). Раскаявшись, евреи попросили Моисея помолиться за них Господу, на что последовал ответ:

«И сказал Господь Моисею: сделай себе змея и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (Чис 21:8-9).

В данном случае нам стоит остановить пристальное внимание на медном змее, которого сделал Моисей по просьбе Бога. В религиозном сознании многих языческих народов того времени змей занимал важное место. Например, в античной мифологии змея была символом Асклепия (бога врачевания), громадные ручные змеи жили в посвященных ему храмах и считались его воплощениями. Особо почитали змей в древнем Египте (См. Геродот «История» 2, 74), где они также считались символом исцеления. Коростовцев о распространенности почитания змей в Египте пишет следующее: «Большую роль в египетской религии играли змеи... В первую очередь надо назвать египетскую кобру, главным центром культа которой был один из древнейших городов Египта, Буто, расположенный в западной части Дельты. Богиня-змея Уаджет (по-егип. "зеленая") была богиней-покровительницей Нижнего Египта и в качестве таковой входила как обязательный компонент в титулатуру фараонов наряду с изображением богини-коршуна – покровительницы Верхнего Египта. Изображение змеи имелось на головном уборе фараона (греки называли его "урей") – оно как бы служило защитой от всех врагов. Доказано, что культ богини-змеи существовал также в Имете (современный Тель-эль-Фараун - восточная часть Дельты) и, что совершенно неожиданно, в Небте – Верхний Египет (современное селение Бялифия, близ Гераклеополя). Среди прочих обожествляемых змей первое место принадлежало кобре: ее устрашающий вид и смертоносный яд особо поражали воображение египтян. В виде змеи предстает богиня земного плодородия Рененутет. На юге Фаюма, в Мединет Мадии и Фивах, она считалась богиней закромов. От времени Аменхотепа II сохранилась статуя человека, поклоняющегося Рененутет в облике змеи. В фиванском некрополе поклонялись богине Мертсегер (букв. "любящая молчание") также в облике змеи. При входе во многие храмы, особенно в греко-римское время, ставились стелы с изображениями змей, охраняющих храм. Крупные змеи типа удавов упоминаются и изображаются в разных религиозных текстах» (Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. М., 1976),

Некоторые богословы ввиду такой широкой распространенности культа змея в Египте и того, что евреи лишь только вышли оттуда, полагают, что прототипом медного змея Моисея послужили образы змей в культах египтян. Например, указав на древнее значение змеи как символа исцеления у египтян, немецкий богослов XIX в. Г. Винер, в своем библейском словаре далее пишет о том, что «нации [евреям] было трудно освободиться от иллюстрированного служения, после египетских символов» и поэтому евреям, привыкшим к тому, что змея – символ исцеления, для определенного поддержания их веры во спасение, был сделан медный змей (Winer G.B. Biblisches Realwörterbuch zum Handgebrauch. Leipzig, 1848, стр. 415). В дореволюционном труде Пальмова, хотя отвергается мысль о заимствовании медного змея Моисея из египетского источника, все же признается: «Распространенность змей в культах египтян, в земле которых долгое

время жили евреи, повидимому, есть достаточное основание первообраз Моисеева медного змия усматривать в змиях египтян. К тому же в пользу египетского происхождения медного Моисеева змия может говорить созвучие слова “сараф” с названием Сераписа (Плутона) египетской религии, который иногда был изображаем в воздвигнутом змее с человеческой головою и бородою и которого культ... имел свои проблески при Сестоприсе-Рамзесе II, так что мог быть известен Моисею, жившему в Египте» (Пальмов М. Идолопоклонство у древних евреев. Спб., 1897, стр. 149-150). Пальмов развивает в своем труде тему медного змея в контексте того, что для евреев медный змей впоследствии стал объектом поклонения, как об этом говорится в книге 4 Царств:

«он [Езекия] отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей, потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан» (4 Цар 18:4).

Пальмов, рассуждая о причинах идолослужения евреев пред медным змеем, пишет: «Медный змий, священный памятник чудесного исцеления предков в пустыне, сделался предосудительным предметом верования сынов израилевых, надобно полагать, вследствие неясного сознания ими истинного его смысла, помраченного отчасти аналогичными случаями служения змеям в культах с одной стороны, египтян, с другой, – финикиян. Культы последних послужили поводом к злоупотреблению священной реликвиею» (Там же, стр. 152). Очевидно, что евреи стали поклоняться медному змею вследствие распространенности культа змея у соседних народов, и главное, вследствие идентичного значения змея как символа исцеления. Возможно, нельзя утверждать, что Моисей прямо заимствовал у египтян идею медного змея; но в любом случае, вышеприведенные факты свидетельствуют о некоторой связи медного змея с языческими культами соседних народов того времени. И этот случай с созданием медного змея Моисеем – что было руководством от Бога – ярко иллюстрирует не отрицательное отношение Бога к присутствию некоторых внешних языческих элементов и черт в религиозном употреблении Его служителей. Главное, как показывает случай с медным змеем, в отсутствии прямого языческого поклонения, в чем и состоял грех евреев в отношении медного змея. Ясно, что *Иегову не смутило и не волновало, то, что в созданном медном змее наличествуют очевидные схожести с языческим использованием змеев у других народов. А Свидетели Иеговы хотят нам изобразить Бога зацикленного и боящегося всего, что хоть сколько-нибудь было бы связано с язычеством.*

Также можно говорить и о схожести ритуальной системы евреев с языческой обрядностью соседних народов. Например, российский историк-библеист И. Тантлевский говоря о практике возложения рук у евреев (Лев 1:3-4; 3:2; 4:4 16:20; Чис 8:10), сообщает: «Ритуальная практика возложения грехов общины на специально избранных животных или людей [фармакос] (в частности, для избавления или предотвращения бедствий, болезней и т.п.) зафиксирована в ряде языческих религий» (Тантлевский И. Р. Введение в Пятикнижие М., 2000, стр. 255). Также согласно Геродоту, обрезание широко применялось у множества народов, о чем он – не упоминая самих евреев – пишет: «Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы. Финикияне же и сирийцы, что в Палестине, сами признают, что заимствовали этот обычай у египтян. А сирийцы, живущие на реках Фермодонте и Парфении, и их соседи-макроны говорят, что лишь недавно переняли обрезание у египтян. Это ведь единственные народы, совершающие обрезание, и все они, очевидно, подражают этому обычаю египтян. Что до самих египтян и эфиопов, то я не могу

сказать, кто из них и у кого заимствовал этот обычай. Ведь он, очевидно, очень древний» (История 2, 104). Об обрезании пишется и в послании Варнавы: «Ты скажешь: народ иудейский обрезывается для запечатления завета. Но обрезывается и всяк сириянин, и аравитянин, и всяк жрец идольский: а ужели и они принадлежать к завету Божию? Обрезаются и египтяне!» (Посл. Варнавы, IX). Из этого следует, что в обряде обрезания у языческих народов также присутствовал религиозный оттенок.

В Новом Завете также можно найти некоторые моменты сходные с язычеством, в частности с древними мистериями. Так, античный философ Апулей в своих «Метаморфозах» (Met. XI) описывая обряд таинства Исида и чин посвящения в ее мистерии, пишет: «Наконец настал день, назначенный жрецом, и он повел меня, окруженного священным воинством, в ближайшие купальни. Там совершив обычное омовение, призвав милость богов, он меня кропит в виде очищения и снова приводит к храму. Когда две дневных стражи уже протекли... [жрец] наказывает мне воздерживаться от... животной пищи, а также не прикасаться к вину. Исполняю свято этот наказ о воздержании, а между тем наступает уж и день посвящения [...] После этого я торжественно отпраздновал день своего духовного рождения» (Цит. по: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990, стр. 150, 151). Читая этот отрывок, вспоминаются слова Иисуса, сказанные Им Никодиму: «истинно говорю тебе, если кто не родится свыше [или снова], не может увидеть Царствия Божия... если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин 3:3, 5). Также как согласно Апулею, прежде чем духовно родиться посвященный в мистерии Исида должен был принять омовение, так и согласно Иисусу, кто хочет достичь Царства должен снова родиться от воды, т. е. принять крещение. Тертуллиан в своем сочинении «О крещении» рассуждая о христианском крещении, тоже отмечает эти сходные моменты: «Ведь в некоторых мистериях, – например, Исида или Митры, – посвящение также происходит через омовение. И даже богов своих они выносят для омовения. Кроме того, они повсеместно очищают селения, дома, храмы и целые города, обнося вокруг них воду и окропляя ею. И, по крайней мере, во время праздника Аполлона и Элевсинских мистерий они совершают омовение, веря, что делают это для рождения к новой жизни и освобождения от наказания за свое вероломство. Точно так же у древних всякий, кто запятнал себя человекоубийством, искал очистительные воды» (Тертуллиан. Избранные Сочинения. М., 1994, стр. 95).

Румынский писатель М. Эллиаде, также обращаясь к Апулею, о древних мистериях писал: «Проходя посвящение в мистерии Исида, Луций, герой "Метаморфоз" Апулея, перенес "добровольную смерть" и "достиг рубежей смерти", чтобы обрести "день своего духовного рождения" (XI, 21, 24). В мистериях Кибелы неопит считался *moriturus*, "умирающим". За этой мистической смертью следовало новое рождение – духовное. Саллюстий пишет, что во фригийском обряде новопосвященных "кормили молоком, как будто они вновь родились" (De diis et mundo, 4). А в тексте, известном под названием "Литургия Митры", но пропитанном духом герметического гнозиса, можно прочесть: "Сегодня, вновь рожденный Тобою, из мириад соделанный бессмертным...", или "Вновь рожденный, чтобы возродиться в этом дающем жизнь рождении..."» (Эллиаде М. История веры и религиозных идей. Том II. От Гаутамы Будды до триумфа христианства М., 2002, стр. 236-237). Таким образом, как и в древних мистериях, так и в христианстве присутствовала и занимала важное место идея

духовного рождения (Рим 6:1-11; 2 Кор 5:17; Эф 2:5,6; Кол 2:12,13; 3:1; Тит 3:5; 1 Пет 1:3, 22-23). Некоторые даже придерживаются той точки зрения, что христианство заимствовало некоторые обряды из древних мистерий, прежде всего – мистерий Иисиды и Осириса (которые древней христианства). С этим мы, безусловно, не согласны; но опять же ни Иисусу, ни апостолам не пришла в голову мысль об отказе идеи духовного рождения или, по крайней мере, о преподнесении ее в совершенно ином от языческих мистерий виде, тем самым, ясно разграничивая одного от другого. Этого не произошло, хотя по логике Свидетелей Иеговы Иисус и апостолы именно так и должны были поступить. Ведь рассуждения Свидетелей Иеговы (имплицитно) заключаются в том, что внешнее сходство какой-либо традиции и факт изначального присутствия его в язычестве дает повод назвать эту традицию языческой и неприемлемой. И можно приводить и другие подобные примеры...

Конечно, Свидетели Иеговы будут возражать и приведут пример с тельцом сделанным Аароном: «Давайте, например, посмотрим Исход 32:4—10. Обратите внимание, что израильтяне позаимствовали религиозный обряд у египтян, но назвали его «праздником, посвященным Иегове». Однако Иегова сурово наказал их за это. Праздничные обычаи известны нам сегодня в том виде, в каком они дошли до нашего времени. Какие-то из них могут казаться безобидными. Но Иегова был очевидцем языческих религиозных обычаев, которые дали им начало. Не следует ли нам учитывать его мнение?» (Рассуждение с помощью Писаний стр. 290). На это можно привести пространную цитату из Толковой Библии Лопухина: «Избрав для изображения бога форму тельца, Аарон, как думает большинство древних (Филон, Лактанций, блаженный Иероним) и новых исследователей, подражал египтянам. В пользу подобного вывода говорит прежде всего несомненный факт почитания египтянами черного быка Аниса в Мемфисе и белого, или Мневиса, в Гелиополисе, причем свидетельства греческих писателей, Страбона, Плутарха, Геродота, дают основание предполагать, что египтянами употреблялись и изображения этих священных животных (хотя вообще зооморфизм гораздо меньше имел места среди египтян, чем собственно зоолятрия). На египетское происхождение золотого тельца указывает далее и самый характер совершенного в честь его торжества. Кроме жертвоприношения, оно состояло в пиршестве, играх (ст. 6), пляске (ст. 19) и шумных песнях (ст. 18). Такие же приблизительно формы имели и египетские празднества в честь Изиды. Описывая их, Геродот говорит: «одни из женщин ударяют в цимбалы, другие играют на флейтах, прочие женщины и мужчины поют и рукоплещут». За египетское происхождение золотого тельца говорят, наконец, и слова первомученика Стефана: «отцы наши обратились сердцами к Египту, сказав: сделай нам богов» (Деян 7:39). Так как телец или вол служил в древности образом силы и энергии, то и воплощенную в золотом тельце силу евреи признали за силу, изведшую их из Египта: «вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской». Но эта сила не была в их глазах силой (по крайней мере, в глазах подавляющего большинства) Всевышнего, и сам золотой телец не служил Его изображением. В справедливости этого, кроме вышесказанного, убеждают слова Господа Моисею (ст. 8): служение золотому тельцу не есть служение Ему, Сущему (каким оно могло быть в глазах Аарона, ст. 5, и других менее развитых религиозно членов народа), представленному в образе тельца, а поклонение этому последнему. Такой же точно взгляд высказывает Апостол Павел, называя служивших золотому тельцу идолопоклонниками (1 Кор 10:7)» (Толковая Библия Лопухина, стр. 174). Поэтому анализ произошедшего события описанного в Исх 32:4—10 показывает, что это было непосредственным идолопоклонством –

поклонением египетским богам. Хотя внешне – это был праздник Иегове, внутренне же он был наполнен языческими обрядами и, в сущности, был языческим праздником. Сегодня же общепризнанные праздники не несут с собой столь явного языческого характера. В большинстве своем они только косвенно или только внешне напоминают языческие праздники и обряды далекого прошлого.

Свидетели Иеговы также утверждают, что «стоит помнить о том, что Иегова был очевидцем отвратительных религиозных обрядов, которые дали начало многим популярным обычаям. Несомненно, и сегодня он считает такие праздники омерзительными» (Чему на самом деле учит Библия, 2005, стр. 145). Но в таком случае Иегова видимо забыл, когда просил Моисея сделать медного змея про то, что змей занимал одно из центральных мест в языческих культах, чего Он был очевидцем?! Даже то, что медный змей впоследствии сделался отвратительным предметом поклонения у самих евреев, почему-то Иегове не помешало сделать из этого медного змея прообраз распятого и вознесенного Иисуса Христа (Ин 3:14)?! Почему-то для Иеговы символ змея не сделался омерзительным?!

Также Свидетели Иеговы в поддержку своей позиции относительно современных праздников иногда приводят слова Павла: «язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской. Неужели мы [решимся] раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?» (1 Кор 10:20-22) (см. Ст. Башня 15 сентября 1997, стр. 9; Пробудитесь! 8 октября 2001, стр. 9). Но опять же, можно ли применить этот отрывок, в котором Павел говорит о непосредственном участии в языческих обрядах распространенных в римском обществе, к современным праздникам лишь внешне напоминающим языческие праздники далекого прошлого? При этом Свидетели Иеговы как-то игнорируют другие слова Павла, сказанные им в 8-й главе той же книги:

«Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?» (1 Кор 8:10).

В этом тексте Павел говорит о тех, кто имеет «знание». Рассматривая в контексте этот отрывок, становится ясно: имеющие «знание» – это те, кто считает, что поскольку идол – ничто и есть только один Бог, а остальные боги – продукт человеческой фантазии (в этом Павел с ними солидарен, т.к. говорит «мы»), то они без зазрения совести ели идоложертвенное (1Кор 8:4-6); в противоположность им – «немощные» христиане, которые на идолов смотрели еще как на богов, как на известные действительные существа, вследствие чего они отказывались от идоложертвенного (1Кор 8:7). *Но стоит обратить внимание, что в ст. 8 Павел осуждает христиан имеющих «знание» не за то, что они сидели в капищах и ели идоложертвенное, а за то, что они своими действиями могли преткнуть слабых христиан.*

Чтобы лучше понять действия христиан обладающих «знанием» описанные в 1 Кор 8:10, приведем одну историческую справку: «В древности жертвоприношения были частными и общественными. По совершении частного жертвоприношения мясо животного, принесенного в жертву, делилось следующим образом: одна часть его сжигалась на жертвеннике, вторая отдавалась жрецам-священникам, а третья возвращалась жертвователю и часто съедалась им и

приглашенными им гостями в самом храме, который представлял собой нечто вроде античного ресторана (см. 8.10), или дома (10.27). Если жертвоприношение было общественным, городские власти обычно отправляли третью часть мяса на рынок на продажу (см. 10.25)» (Радостная весть. Учебное издание РБО, 2006, стр. 347). Поэтому очевидно, что некоторые христиане со «знанием» лишь как гости, находясь в капище вроде ресторана, вкушали идоложертвенное, что заметно отличается от описанного в 1 Кор 10:20-22 непосредственного участия в языческих ритуалах – сами они не приносили жертвы богам, и видимо и не пребывали при ритуале жертвоприношения. Следовательно ситуация описанная Павлом в 1 Кор 8:10, больше чем то, о чем говорил Павел в 1 Кор 10:20-22, схожа с ситуацией с сегодняшними праздниками, только даже степень соприкосновения с язычеством в нынешних праздниках *гораздо* меньше, поскольку сегодня никто не присутствует в языческих храмах и не ест идоложертвенное.

А значит принцип, заложенный в 1 Кор 8:10 и выведенный из ситуации описанной там, дает нам понять, что *присутствие христианина на таких мероприятиях – это дело его совести*, главное чтобы не было прямого идолослужения. Однако он должен быть осторожным, чтобы не стать для кого-либо преткновением. И это важно: Павел, говоря о христианах «неможных», писал: «Но не у всех [такое] знание: некоторые и донныне с совестью, [признающею] идолов, едят [идоложертвенное] как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется» (1 Кор 8:7). Лапухин комментирует эти слова следующим образом: «И совесть их, будучи немощна, т. е. нравственное сознание их слабо. Они не могут считать себя существами в достаточной степени свободными и застрахованными от бесовского влияния. Поэтому, вкушая идоложертвенное мясо, такие люди оскверняют себя в своих глазах, кажутся самим себе действительно запятанными и согрешившими пред Богом» (Толковая Библия Лопухина, стр. 1116). А значит, если христианин, не имеющий знания и с чрезмерно чувствительной совестью, станет есть идоложертвенное – он согрешит. Об этом Павел писал в Рим 14:23: «А сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех».

Стало быть, можно говорить, что Свидетели Иеговы – как те христиане первого века, имеющие слабости в вере и не имеющие полного знания. И таким отношением к праздникам Свидетели Иеговы, по сути, нам говорят: «мы духовные младенцы и хотим ими оставаться и дальше». Пожалуйста, оставайтесь ими и дальше, но не навязывайте свое мнение другим и не осуждайте тех, кто отмечает тот или иной праздник. И действительно Павел об этом и говорил: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, [что можно] есть все, а немощный ест овощи (Свидетелей Иеговы, безусловно, следует отнести к таким немощным братьям, употребляющим овощи, кто видимо проявлял боязнь покупать мясо, т.к. они не были уверены в том, что оно не является жертвенным – прим. авт.). Кто ест, не унижай того, кто не ест (потому нужно уважать позицию таких христиан – прим. авт.); и кто не ест, не осуждай того, кто ест (а вот это Свидетели Иеговы забывают делать, из-за чего труднее проявлять уважение к их убеждениям относительно праздников – прим. авт.), потому что Бог принял его. Кто ты, осуждающий чужого раба?.. Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне [равно]. Всякий [поступай] по удостоверению своего ума» (Рим 14:1-5). Конечно же, чтобы Свидетели Иеговы без осуждения относились к тем, кто отмечает праздники, они должны понять, что отмечать или не отмечать тот или иной праздник – это дело совести каждого христианина. Ну а этого они видимо не хотят понимать.

И вообще стоит отметить, что Свидетели Иеговы крайне непоследовательны в своих суждениях и как часто это бывает, у них концы с концами не сходятся. Это вот в чем выражается: несмотря на то, что ношение обручальных колец уходит своими корнями в древние языческие времена (традиция обмениваться кольцами пошла от древних египтян как знак долгой любви, нерушимой ни людьми, ни богами), Свидетели Иеговы полагают, что поскольку сегодня обручальные кольца не воспринимаются людьми в нашей местности как древний языческий символ, то следует признавать «существующий сегодня в... местности обычай носить обручальное кольцо, чтобы засвидетельствовать о том, что человек женат» (Сторожевая Башня 1 сентября 1992, стр. 30). Но ведь: Новый год, Рождество, Пасха, дни рождения, также не имеют сегодня языческого значения. Странная непоследовательность! Также см. <http://jw-paradox.narod.ru/page3.html>

Подведем краткий итог: Проанализировав вышеприведенный материал можно констатировать тот факт, что для Бога не является самоцелью – полное отмежевание истинного поклонения от всего языческого, как хотят нам представить это Свидетели Иеговы. Как мы увидели, в истинах и обрядах данных Богом Своему народу присутствует немало соприкосновений и схожестей с язычеством того времени. Главным же условием для Его служителей остается факт не участия в языческих обрядах непосредственно связанных с идолослужением. В остальных случаях следует учитывать свою собственную совесть. Поэтому можно говорить о том, что у Свидетелей Иеговы интерес и щепетильное отношение к корням того или иного праздника имеет гипертрофированную форму.